

Сундуева Дина Борисовна

КАПСУЛЬНЫЙ ТИП КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ АССИМИЛИРУЮЩИХСЯ МАЛЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ТРАНСГРАНИЧЬЯ (НА ПРИМЕРЕ ШЭНЭХЭНСКИХ БУРЯТ КИТАЯ)

Статья раскрывает содержание понятия "капсульный тип культурной идентичности", для которого характерна структурная полнота функционирования идентификационных признаков, проявляющихся в сохранности родного языка, религиозной идентификации, форм и способов родоплеменной идентификации, типа хозяйствования. Основное внимание в работе автор акцентирует на позиционировании капсульного типа культурной идентичности членами малых этнических групп как поиска и изменения позиции этноса в культурном пространстве забайкальского трансграничья.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/1-2/43.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (51): в 2-х ч. Ч. II. С. 183-187. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 39:81'28=512.31

Культурология

Статья раскрывает содержание понятия «капсульный тип культурной идентичности», для которого характерна структурная полнота функционирования идентификационных признаков, проявляющихся в сохранности родного языка, религиозной идентификации, форм и способов родоплеменной идентификации, типа хозяйствования. Основное внимание в работе автор акцентирует на позиционировании капсульного типа культурной идентичности членами малых этнических групп как поиска и изменения позиции этноса в культурном пространстве забайкальского трансграничья.

Ключевые слова и фразы: культурная идентичность; малые этнические группы; этническая самоидентификация; трансгранижье; трансграничное позиционирование культурной идентичности; культурная капсула; шэнэхэнские буряты.

Сундуева Дина Борисовна, к. филол. н.

Забайкальский государственный университет

dina-sundueva@yandex.ru

**КАПСУЛЬНЫЙ ТИП КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ АССИМИЛИРУЮЩИХСЯ
МАЛЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ТРАНСГРАНИЧЬЯ
(НА ПРИМЕРЕ ШЭНЭХЭНСКИХ БУРЯТ КИТАЯ)[©]**

Актуальность исследования культурной идентичности ассимилирующихся малых этнических групп (МЭГ) обусловлена динамичностью процессов межкультурного взаимодействия, особенно в контексте усиления когнитивного диссонанса субъектов трансграничного взаимодействия. Трансгранижье как территория, состоящая из взаимодействующих приграничных территорий, усиливает ассимиляционные процессы. МЭГ определяются как «часть каких-либо этносов, их внутренние подразделения, обладающие культурно-бытовыми особенностями, отличающими их от основного ядра этноса» [11, с. 97]. Трансграничные условия проживания МЭГ в иноэтническом окружении доминирующего этноса создают разные стратегии адаптации.

В данной статье на примере шэнэхэнских бурят Китая, проживавших на протяжении ста лет в условиях вынужденной изоляции от материнской культуры, раскрывается природа капсульного типа культурной идентичности ассимилирующихся МЭГ. Этнокультурная группа шэнэхэнских бурят, проживающих на территории Эвенкийского хошуна Китая, была сформирована в 20-е годы XX века беженцами из России, в основном выходцами из Забайкальского края, в большинстве своем жителями приграничных с Китаем районов, «местностей Борзя, Улирэнгэ, Турга, озера Торей, Онон, долины реки Ага» [7, с. 35]. Уже в 1921 г. в долине р. Шэнэхэн была создана специальная административная единица – бурятский хошун, включающий 4 сомона (удела), что узаконило проживание беженцев на территории Китая [10, с. 710]. Приток новых мигрантов-беженцев продолжался до середины 30-х годов, особенно усилившийся в период коллективизации в СССР. В настоящее время шэнэхэнские буряты проживают преимущественно в селах Шэнэхэн Баруун сомон и Шэнэхэн Зуун Эвенкийского хошуна Хулунбуйрского аймака Автономного района Внутренняя Монголия КНР. По данным 2009 г., численность населения в селах Шэнэхэн Барун сомон и Шэнэхэн Зуун сомон составляет 8287 чел. [8, с. 43].

Исходным понятием исследования является термин «капсульный тип культурной идентичности». Культурная идентичность определяется как открытая система идентифицирующих, маркирующих факторов, актуализирующихся в процессах межкультурной коммуникации в конкретной пространственно-временной континуальности. Системообразующим ядром культурной идентичности являются процессы этнической самоидентификации и позиционирования представителей АМЭГ в межкультурных контактах. Термин «культурная капсула», введенный Д. Тейлором и Дж. Соренсоном, выделяющий различия в инокультуре [9, с. 211], используется нами для определения типа культурной идентичности малых этнических групп, сохранивших свое культурное наследие во всей полноте в условиях вынужденной изоляции. Капсульный тип культурной идентичности определен нами как культурно-экономическая изоляция от материнской культуры и доминирующей культуры, отличается формированием параллельного общества при условии высокой степени локализованности и этнотерриториальной идентичности. Методологически оправданной является процедура определения полноты функционирования маркирующих признаков. Для капсульного типа культурной идентичности характерна структурная полнота функционирования идентификационных признаков, которая проявляется в сохранности родного языка, религиозной идентификации, форм и способов родоплеменной идентификации, типа хозяйствования.

Основным методологическим средством изучения культурной идентичности МЭГ является состояние языка как фактора идентификации религиозной идентичности, форм жизнеобеспечения и природы самоидентификации. Анализ языка выполняет две функции: язык является объектом изучения состояния идентичности и инструментом анализа структуры идентичности МЭГ. Системообразующим показателем полноты или утраты структуры этнокультурной идентичности традиционно в исследовательской литературе считается состояние языка. Изучение способов позиционирования культурной идентичности, осуществляемых

на основе языковых признаков и неязыковых факторов самоидентификации и позиционирования, позволяет выявить основное направление изменения структуры идентичности. Современные процессы этнокультурной самоидентификации осуществляются через актуализацию неязыковых признаков идентификации.

В качестве эмпирического материала в статье привлечены нарративные свидетельства о влиянии факторов культурной изоляции шэнэхэнских бурят в КНР на сохранность культуры. На материале речевых портретов и образов, репрезентирующих структурные изменения, исследуются тенденции, детерминирующие и сопровождающие перемены в структуре культурной идентичности и самоидентификации представителей малых этнических групп. При анализе результатов глубинного интервьюирования был использован метод контент-анализа, позволивший выявить группу основных факторов, определяющих капсульный тип культурной идентичности. На основе выявленных факторов разработана модель структуры культурной идентичности, включающая такие маркирующие, идентифицирующие признаки как:

- состояние языка как основного отличительного признака ассимилирующегося субъекта;
- религиозная идентичность;
- наличие традиционных форм жизнеобеспечения;
- родоплеменные или сословные соотнесения как признаки идентификации;
- способы совмещения многих идентичностей, самоидентификации и способы позиционирования идентичности;
- тождество внутренней самоидентификации и внешнего позиционирования.

Основополагающий методологический принцип, которым руководствовались авторы исследования, заключается в том, что социальные и культурные проявления культурной идентичности могут быть достаточно адекватно поняты, если они изучаются на основе синтеза способов самоидентификации личности и способов самопозиционирования их. Для капсульного типа культурной идентичности характерно единство между внутренним самосознанием и формами его позиционирования, которое рассматривается как адаптивный процесс приспособления к внешней и внутренней среде функционирования социокультурной системы. Трансграничное позиционирование культурной идентичности определяется как поиск и изменение позиции этноса в культурном пространстве трансграничья.

Особое значение имеет процедура определения характера самоидентификации, позволяющая выявить наиболее проблемные способы самоидентификации, характеризовать природу формирования историко-культурных стратегий идентичности. Содержание этнической самоидентификации с его общими механизмами, усредненными критериями и самой интенцией идентифицировать себя с каким-либо этносом, составляющее ядро культурной идентичности, носит глубоко контекстуальный характер, при этом его позиционирование во многом акцентировано современными смыслами актуальной культуры конкретного этноса в момент взаимодействия с доминирующей группой.

Культурное наследие актуализирует потребность человека соотносить себя с этим этносом, связывает идентичность с реальностью, дает возможность существовать за счет приспособления к современным традициям и культуре. С одной стороны, МЭГ, обладая статусом группы по отношению к собственному этносу и к этносу доминирующему, имеют свои культурно-бытовые особенности, которые подчеркивают исключительность группы, способствуют формированию группового сознания [11, с. 97]. С другой стороны, эти особенности являются причиной давления доминирующих сообществ на поиски самоопределения и позиционирования этой самобытности. В результате у представителей МЭГ появляется групповое осознание отличия, что детерминирует явление двойного самосознания. Поэтому в структуре идентичности МЭГ языковые, конфессиональные признаки, по сравнению с культурно-бытовыми особенностями и самосознанием, оказываются вторичными.

Традиционная бурятская культура, характеризующаяся большой пестротой этнических традиций и значительным диапазоном их вариативности. В результате длительного проживания бурят в трех странах подверглась влиянию культур народов России, Монголии и Китая, вместе с тем, усилился процесс локализации бурятской культуры по своим историко-культурным, социальным и региональным характеристикам. Опыт межнационального сосуществования в условиях трансграничья отразился в специфике внутреннего ядра культуры бурят этих трех стран.

Длительное проживание в условиях доминирования китайского и монгольского этносов, влияние которых неравнозначно, для МЭГ шэнэхэнских бурят не стало причиной утраты традиционного образа жизни, этнической культуры, языка. Что касается монгольского влияния, «одиссея шэнэхэнских бурят» свидетельствует, что однотипность социально-экономического уклада жизни, глубокое родство языка и культуры, представления об общности истории и судьбы не стали здесь факторами и механизмами ассимиляции [3, с. 189]. Как правило, консервация общей системы ценностей, характерная для небольших устойчивых этнических культур, происходит в результате приспособления малой этнической группы к среде своего обитания, живущей в состоянии гомеостаза с ней. «Закукливанию группы» и консервации многих её характеристик [2, с. 592] способствовало, по мнению С. Н. Болдоханова, наличие механизма внутренних системообразующих связей, присущих любому этносу как природно-социальной целостности и обеспечивающих его воспроизводство и выживание. Исследователем отмечается, что консервации группы способствовали такие факторы как форма расселения и адаптация к природной среде, внутриэтническая сплоченность и устойчивость первичных коллективов, таких как родовые структуры, сельские общины, совет старейшин [5, с. 16]. МЭГ шэнэхэнских бурят, проживающих в Китае, изначально отличала незаинтересованность в аккультурации

«в виду функционирования на протяжении длительного времени системы более актуальных, преимущественно локальных социальных связей: семейных, общинных, региональных» [2, с. 76].

В нарративах шэнэхэнцев, уже родившихся в Китае, о своих предках – представителях первого поколения бурятской эмиграции – отмечаются постоянное стремление и надежда на скорое возвращение на Родину. Свое пребывание на китайской земле они воспринимали как временное состояние.

Бидэ зоодэлоороо бусахабди...

Мы скоро вернемся домой... Минии нагаса эжы 1913 оной. «Бидэ зоодэлоороо бусахабди» – гэдэг хэн. Тэндэхи газарай байдал тухэй хэлэдэг байгаа...

Моя бабушка по матери 1913 года рождения. «Мы вернемся домой», – говорила она. Она всегда нам рассказывала о жизни на Родине.

Эжы абанарнай эмээлээ хойшонь харуулаад табидаг байгаа...

Наши предки ставили седла в сторону севера...

Эжы абанарнай эмээлээ хойшонь харуулаад табидаг байгаа. «Нэгэтэ сагта хоргия бусахабди» – гэдэг хэн.

Наши дедушки, бабушки всегда направляли свои седла в сторону севера, в сторону Родины. «Однажды мы вернемся», – говорили они.

Удэ багаар саашаа ябаадлэ Боржоёо орошоходди...

Уже к полудню мы будем в Борзе...

Абамни нютагаараа Адуун Шулуунай байһан. Турэһэн нютагтаяа улаан зурхэнтэёо холбоотой байһан. «Адуун-Шулуунай сахюур шулуун гоё даа», – абамни гэдэг хэн. Би басагандаа сахюур шулуу асархабдаа. «Нютагаа ошоходоо удэ багаар саашаа ябаадлэ Боржоёо орошоходди», – гэдэг хэн. Нэгэ Молон гэжэ нэрэтэй хун байһан... «Шэнэхээн буряад хоргоо заалһаа бусаха» гэжэ хэлэдэг хэн...

Отец мой был родом из Адон-Челона. Сердечными узами он был связан со своей Родиной. «Как красив в Адон-Челоне камень-сахюр!» – говорил мой отец... «Я обязательно привезу своей доченьке камень-сахюр... Когда мы поедem на Родину, уже к полудню мы будем в Борзе», – говорил он. Был такой знающий человек, провидец по имени Молон. Он говорил, что шэнэхэнские буряты обязательно вернутся на Родину.

Как свидетельствуют приведенные речевые портреты шэнэхэнцев, «одной из опор замкнутости стала память об «исторической родине» и осознание своей группы ее «эсколком», оторвавшейся частью» [1, с. 239]. Приведенный ниже текст наглядно иллюстрирует специфику концепта «Родина» [6, с. 189], обнаруживает роль и место России, русской культуры в сознании шэнэхэнских бурят.

Эсэгэмни бухы сагтаа буряад нютагаа бусаха хусэлтэй ябаһан...

Мой отец всю свою жизнь мечтал вернуться на Родину...

Абамни нютагаараа Ононой урда бээдэ ород зоной дунда ундыһан хун. Амбани Хайларта 39-45 оннудта ород нургуули бэйһан, ород хэлэн дээрэ нургадаг хэн. Миний мэдэхэдэмни, тэрэ сагта Хайлар, Харбинар ород олон байгаа... 50 онуудта ородууд зоожо нютагаа ошоо. Абамни муноошыёе ород хэлэн дээрэ саарһа уншадаа. Ородһоо ошоһон байхадааа ородруугаа эльгэһин дутэ байһан. Эсэгэмни бухы сагтаа буряад нютагаа бусаха хусэлтэй ябаһан. Тигээдлэ бидэ наашаа ерэхэн болонобди.

Отец мой родом с правобережья Онона, он вырос среди русских. В Хайларе в 39-45 годы была русская школа, преподавание велось на русском языке. Как я знаю, в те годы в Хайларе, Харбине было очень много русских. В 50-е годы они уехали на Родину. Отец мой до сих пор читает газеты на русском языке. Поскольку он вырос среди русских, поэтому он всегда тянулся душой и сердцем к русским людям. Отец мой всю жизнь мечтал вернуться на Родину. Только поэтому мы, его дети, решили переехать в Россию.

Изоляционизм, который был характерен для группы шэнэхэнских бурят вплоть до 90-х годов XX века, как уже было отмечено, выражался наличием локальных социальных связей, среди которых наиболее сильными являются внутривидовые, семейные узы, о чем свидетельствуют наши информанты. Приведенный ниже текст также представляет интерес с точки зрения сохранения традиционного уклада жизни.

Угаа буу алдая! – гэхэн удхатай...

Не растерять свои корни – вот в чем смысл...

Шэнэхээн буряад анхан ургамал тарйдаг угы байгаа. Муноошыёе газарай ундэхэ таһалдаг угыбди. Таһалаа угы наа, аха дуунэртээе уулзаха гэжэ удхатай. Таһалаа наа – угһаа таһарха гэхэн удхатай. Эжы абымнай аха дуунэр Юрод гурэндэ байгаа гэзибээддаа. Нухэ малтахадаа хооргэнь табихадань дахяад эдэгэхэ. Угаа буу алдая! – гэхэн удхатай.

Раньше шэнэхэнские буряты не занимались огородничеством. Да и сейчас мы стараемся не срывать растения, не вырывать из земли корни. Считалось, что если ты не повреждаешь корни растений, то обязательно встретишься со своими братьями, сестрами. Вырвешь – потеряешь свои корни, не воссоединишься с родными. Ведь братья и сестры наших родителей жили в России. Если повредишь корни, нужно растение пересадить, корни опять заживут. «Не потерять свои корни» – вот в чем заключается смысл всего этого.

Традиционный уклад хозяйственной жизни стал основополагающим условием сохранения положительной и устойчивой культурной идентичности в условиях культурной изоляции. Среди условий, благоприятствующих «консервации», М. Н. Балдано называет «уход на новую территорию родовыми группами со скотом, который вел к автоматическому воспроизводству традиционной социальной структуры, системы властных и иных отношений, образа жизни и хозяйственного уклада... Натуральный тип экономики, характер экономического уклада (традиционное скотоводство) не требовали продвинутой интеграции. С соседями не было

ни конфликта интересов из-за ресурсов, ни развитой экономической кооперации и обмена, ни конкуренции. Поэтому не было необходимости в постоянном и повседневном общении с ними. Это позволяло безболезненно решить такую тяжелую адаптационную проблему, как освоение языка принимающего общества» [1, с. 237].

Исследования социологов подтверждают гипотезу о том, что хозяйственно-экономические факторы в условиях региона, который характеризуется сохранением традиционных форм хозяйствования и географической отдаленностью... обладают своим идентификационным значением [12, с. 10], способствуя тем самым сохранению этничности. Подчеркнем, что фактор сохранения в течение всего XX века материальных форм жизнеобеспечения полукочевого скотоводства, базирующийся на традиционном полукочевом скотоводстве на основе существенного цивилизационного и ментального отличия от китайской культуры, рассматривается нами в качестве основного при характеристике капсульного типа культурной идентичности исследуемой группы. Характеристика кочевого уклада жизни, трудовая, хозяйственная самодостаточность находят отражение в речевых портретах шэнэхэнцев.

Зоогоод, мори тэргээрээ убһоо абаад бурядууд байһан...

Раньше буряты кочевали, запрягали лошадей и убирали сено...

Анхандаа мори, буха уруулаад ху юмоо оһодоо хээдлэ ябаһан юм. Зоогоод, мори тэргээрээ убһоо абаад бурядууд байһан. Морин, тэмээн, сар – энэ гурбан бухы юмоо хэхэдаа. Шэнэхээн буряадта морин япон «Волго» шэнги бэйһан.

Раньше запрягали лошадей, быков и так выполняли все сельскохозяйственные работы. Кочевали, запрягали лошадей и убирали сено. Так и жили буряты. Лошадь, верблюд и бык – вот три работника, они выполняли все работы. Для шэнэхэнского бурята лошадь как японская «Волга» ценилась.

О специфике внутригрупповых отношений, о значимости родоплеменной идентификации, принципа самоуправления внутри общины свидетельствует собранный нами, речевой материал.

Нютагтаа заалһаа наһатай, тубшэн хун бэйдаг гэшиэб даа...

Среди родичей обязательно найдется мудрый, уравновешенный человек...

Бурядуудуше анхандаа хотооро байгаабди. Нютагтаа заалһаа наһатай, томоотой, тубшэн хун бэйдаг гэшиэб даа. Бидэ хадаа тэдэ зонойнгоо угын заалһаа харадаг байгаабди. Нютагаараа, хотоороо тэдэнэй угын ёһоор ябадаг байгаабди.

Буряты раньше коллективно решали проблемы. Обязательно среди земляков найдется мудрый человек, солидный, спокойный. Он выбирался земляками старейшиной. Люди всегда прислушивались к его мнению. Всем землячеством, родом подчинялись решению старейшин.

Структурная полнота культурной идентичности проявляется в сохранности основ религиозной идентичности в среде шэнэхэнских бурят, которые были заложены первым поколением бурятской эмиграции. «Еще не преодолев первых трудностей на новом месте, они принялись за строительство дацана... Принесенные с исторической родины религия, обычаи, обряды, одежда становились основой для консолидации и формирования из отдельных родовых групп этнолокальной общины» [1, с. 238]. В конце 30-х гг. XX в., при общей численности населения бурятского хошуна в 3000 чел., в Шэнэхэнском дацане служило 300 лам, среди которых были высокообразованные представители буддийского духовенства [10, с. 710]. О сохранности религиозной идентичности в среде исследуемой группы свидетельствует эмпирический материал.

Бидэ муноо болтороо шэнэхээн дасандаа бараалхаад ябаабди...

Мы до сих пор ходим молиться в шэнэхэнский дацан...

Шэнэхэн буряад усоон. Анхан газар тээшээ гаража ябаа угы, зоргоороо байгаа. Зуу гаран жэл соо амидаража байхадаа буряад ёһо заншалаа, урданай бурядайнгаа зан, заншалан ажабайдалдаа уйлдэбэридхээд ябадаг байгаа. Бидэ муноо болтороо шэнэхээн дасандаа бараалхаад.

Шэнэхэнских бурят мало. Раньше никто не выезжал за пределы Шэнэхэна, жили вольготно. За сто лет жизни на этой земле соблюдали традиции, обычаи, старинный бурятский уклад жизни, ведение домашнего хозяйства. Мы до сих пор ходим молиться в шэнэхэнский дацан...

Структурная полнота культурной идентичности проявляется в сохранности основ духовной культуры, определяющих мировоззренческий аспект жизни группы. Этнокультурная информация, передаваемая устным путем, воспринималась в результате непосредственного наблюдения, совместной деятельности.

Тэрэмнэй маандуудтаа эрдэм болоно...

Это и было для нас уроками родной культуры...

Манай шэнэхээн бурядууд хитадай оёһон хубсаһа анхан умдэдэг угы байгаа. Оороо оежо байхадаа оорынгоо бэээр мэдэдэг болоно гэшиэбидидаа. Оорынгоо бэээр бухы оедолой оньһо шэнгээгээд, сэдхэлдээ хадуудааг. Тэрэмнэй маандуудтаа эрдэм болоно. Шэнэхээн бурядууд арадайнгаа хубсаһаяа муноо ушоо гоё болгоодлэ, бухы дэлхэй дээрэ гараад ябана.

Наши шэнэхэнские буряты раньше не носили китайскую одежду. Сами шили. А когда сама шьешь – пропускаешь как бы через себя, через душу. Это и было для нас постижением родной культуры, знанием. Сейчас шэнэхэнские буряты ещё красивее стали шить национальную одежду. По всему миру показывают её.

Новый образ культурной идентичности капсульного типа в условиях её раскрытия, начиная с 90-х гг. XX в., обнаруживается в стратегиях её позиционирования в условиях раскрытия капсулы. В России, вернувшись на историческую родину, представители МЭГ позиционируют себя как источник возрождения бурятского языка, культуры, традиционного уклада жизни с некоторой долей культурного превосходства. Соответственно, российские буряты воспринимают членов АМЭГ как соотечественников, сохранивших родной язык, этническую

культуру. Основное направление изменения самоидентификации, в целом структуры капсульного типа культурной идентичности МЭГ в сторону постепенного её раскрытия емко сформулировано самими её членами.

«Хоёр гурэнэй хун болод ябаналдидаа...»

«Вот так и стали мы людьми двух государств...».

Таким образом, нарративные свидетельства представителей исследуемой группы, проживавших вплоть до 90-х гг. XX в. в условиях культурной изоляции, демонстрируют тождество между самоидентификацией и формами позиционирования. В настоящий момент капсула претерпевает изменения, сообщество активно вступает в процессы межкультурного взаимодействия с китайским, российским бурятским, монгольским сообществами. Социально-экономические преобразования последних лет коренным образом изменили уклад семьи, что особенно отразилось на ее материальном быте, где на сегодняшний день этническая специфика значительно ослаблена. В условиях открытости общества к культурным контактам, некоторой утраты своеобразия образа жизни, капсульный тип культурной идентичности уходит в прошлое, становясь символическим капиталом этнической группы.

Список литературы

1. Балдано М. Н., Дятлов В. И. Буряты Китая и Монголии в дискурсе «национального возрождения»: идея «собира-ния нации» // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX-XX и XX-XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2012. 463 с.
2. Балдано М. Н., Дятлов В. И. Соотечественники: шэнэхэнские буряты в проекте «национально-культурного воз-рождения» // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX-XX и XX-XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2010. 640 с.
3. Балдано М. Н., Дятлов В. И. Шэнэхэнские буряты: из диаспоры в диаспору? // Диаспоры. 2008. № 1. С. 164-192.
4. Балданов С. Ж. Бурятское зарубежье: иллюзии и реальность // Локальные особенности бурятской этнической об-щины Внутренней Монголии КНР: материалы 1-й научной экспедиции НГИ. 2004 г. Улан-Удэ, 2005. С. 5-13.
5. Болдохонов С. Н. Этническая идентификация бурят-иммигрантов из КНР в российском обществе: автореф. дисс. ... к. соц. н. Улан-Удэ, 2011. 23 с.
6. Боронова Д. Ц. Концепт «Родина» в идеологии и практике бурятских диаспор // Известия Томского политехниче-ского университета. 2011. Т. 319. № 6. С. 186-190.
7. Боронова Д. Ц. Роль М. Н. Богданова в организации бурятской эмиграции во Внутреннюю Монголию // Вестник Бурятского государственного университета. 2008. № 7.
8. Дырхеева Г. А., Шожоева Б. Д. Бурятский язык в условиях дву- и многоязычия: социолингвистический аспект // Бурятский язык в поликультурном пространстве (социолингвоисторическое исследование). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 42-96.
9. Жукова И. Н., Лебедько М. Г., Прошина З. Г., Юзёфович Н. Г. Словарь терминов межкультурной коммуникации. М.: Флинта; Наука, 2013. 632 с.
10. Малая энциклопедия Забайкалья. Международные связи / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2012. 751 с.
11. Малые этнические и этнографические группы: сб. статей к 80-летию со дня рождения проф. Р. Ф. Итса / под ред. В. А. Козьмина. СПб.: Альтернативная полиграфия, 2008. 356 с.
12. Хилханов Д. Л. Этническая идентичность: роль хозяйственных и культурно-языковых факторов: автореф. дисс. ... д. соц. н. Улан-Удэ, 2007. 37 с.

CAPSULAR TYPE OF ASSIMILATING SMALL ETHNIC GROUPS' CULTURAL IDENTITY IN TRANSBAIKAL TRANSBOUNDARY REGION (BY THE EXAMPLE OF THE SHANAHAN BURYATS OF CHINA)

Sundueva Dina Borisovna, Ph. D. in Philology
Transbaikal State University
dina-sundueva@yandex.ru

The article reveals the content of the notion –capsular type of cultural identity”, which is characterized by the structural completeness of the functioning of identification signs that manifest themselves in the preservation of native language and religious identity, the forms and methods of tribal identification, and the type of management. The author pays special attention to the positioning of the capsular type of cultural identity by the members of small ethnic groups as a search and change of the ethnic group’s position in the cultural space of the Transbaikal transboundary region.

Key words and phrases: cultural identity; small ethnic groups; ethnic self-identity; transboundary region; transboundary positioning of cultural identity; cultural capsule; the Shanahan Buryats.